

Ella ZADOROŹNIUK

Rosyjska Akademia Nauk, Moskwa

Регион как единица стабильности в (гео)политике XXI века

Концепция региональной идентичности относительно уже сформировавшихся трех регионов Европы впервые была выдвинута автором на обсуждение в 1993 году в статье *Любовью или железом достигается единение общества?*, напечатанной в журнале „Вестник Российской академии наук”¹. В ней отмечалась динамичность политических процессов происходящих в Западной Европе, вступившей в новый виток интеграционных процессов в связи с подписанием Маастрихтского соглашения; в Центральной, включающей пояс государств между Балтикой и Адриатикой – бывшего „социалистического содружества”, политическая элита которых провозгласила тогда безальтернативность прозападного курса; в Восточной, куда входили государства – республики бывшего СССР, в главной из которых, Российской Федерации, происходили острые внутривнутриполитические столкновения. В статье отмечалась относительная подвижность в связи с этим политических границ между регионами: уже тогда одна из стран „содружества” ГДР слилась с ФРГ, перейдя из Центральной в Западную Европу.

Немногим более десятилетия спустя – с ноября 2002 г. после саммита НАТО в Праге – можно говорить о передвижке границы уже Центральной Европы в восточном направлении в связи с приемом в НАТО трех прибалтийских государств. Большинство экспертов данный шаг считался неизбежным, но его последствия просчитывались с трудом из-за реакции на международный терроризм – угрозу поистине глобального характера. Отношения между США, Россией и Европой в связи с этим получили новое качество, что выражено,

¹ „Вестник Российской Академии Наук”, М. 1993.

к примеру, в факте визита в Санкт-Петербург президента Буша сразу же после Пражского саммита НАТО².

Однако эти продвижения, равно как решаемые и усугубляемые ими частные проблемы (вопрос о транзите ФРГ в Западный Берлин был снят в начале 1990-х годов XX века, а соответственно о поездках в Калининградскую область обострился в начале 2000-х гг.) не подрывают, на наш взгляд, основ концепции региональной идентичности (условно их можно было бы трактовать даже как осуществление принципа фальсификации – по К. Попперу). Напротив, возникает необходимость более тщательной проработки основных ее положений с учетом глобализации.

Такой проработки требует и понятие «глобализация» – его суть ухватывается с трудом даже при интенсификации процессов, им охватываемых. Международный валютный фонд термином „глобализация” обозначает интенсифицирующуюся интеграцию как рынков товаров и услуг, так и капиталов. Приводя это определение, российский ученый А. И. Уткин справедливо подчеркивает, что в такой трактовке оно является скорее метафорой, чем достаточно определенным термином³. И все же в контексте российского общественно-научного дискурса оно вытесняет более строгое понятие „глобальные проблемы современности”, которое, правда, носило и носит в большей степени констатирующий, чем операциональный характер.

Конечно, соответствующие процессы можно называть и по-иному, важно признать следующее: развитие современного мира выявляет значимость унификационных тенденций, вызывающих как содействие, так и противодействие со стороны ряда государств, равно как и множества политических сил, зачастую трудно локализуемых. И в этом плане фактор региональной идентичности выступает весьма значимым моментом в определении направленности и темпов глобализационных процессов, а одновременно важной стабилизационной силой.

В связи с этим особую значимость приобретает анализ геополитической роли регионов как ведущих структур стабильности⁴.

² Лишь вслед за ним состоялся визит в Литву, который президент Латвии В. Вике-Фрайберги назвала „праздником Балтии, Соединенных Штатов и, конечно, НАТО”. См.: „Известия” 2002, 24 ноября.

³ А. И. Уткин, *Глобализация: процесс и осмысление*, М. 2001, с. 9.

⁴ В ходе решения геополитических проблем современности регион, представляющий собой уже не только чисто географическое, или только этническое,

Следует подчеркнуть, что фактор внутрирегиональной идентичности конструктивно проявился в Западной Европе, надстраиваясь над различными политическими течениями. Как известно, инициаторами объединительных процессов в Западной Европе выступили французские социалисты, но не с меньшим эффектом им содействовали их идеологические противники – христианские демократы в Западной Германии. Он надстраивается также над разными формами государственного правления: и парламентского, и президентского, над федеративными республиками так же, как и над монархиями.

Руководство стран Центральной Европы в этом плане проявляло в 1990-е годы некий „эгоизм”, все еще предпочитая жесткие разделы по одну (восточную) границу региона и полного слияния по другую (западную); это выражалось в чрезмерной, даже экзальтированной устремленности к Западу и соответственно „дьяволизации” Востока⁵.

Ситуация начала меняться с середины 1990-х гг. XX века. С этого времени стали звучать призывы конструктивно строить отношения стран Западной и Центральной Европы с Россией, ведущим государством Европы Восточной, и наоборот. Старейшина польской дипломатии, министр иностранных дел Республики Польша в 1997–2000 гг.

или конфессиональное образование, может выступать как „единица стабильности, которая, как представляется, будет определять политическое устройство мира уже в XXI веке”. См.: Э. Г. Задорожнюк, *Становление новых региональных идентичностей в Европе: итоги первого десятилетия и перспективы*, в: *Россия. Планетарные процессы*, под ред. Ю. В. Большакова, СПб. 2002, с. 503. Государства, даже предельно мощные, с глобальными проблемами современности и негативными последствиями процессов глобализации в одиночку справиться не могут, справедливо отмечает Т. Г. Пархалина, поскольку качественно новые вызовы безопасности носят трансграничный характер. См.: *Европейская безопасность: какой она видится сегодня?*, в: *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*, М. 2001, вып. 1, октябрь, с. 1, 2.

⁵ Данный мотив постоянно звучал в заявлениях президента Чехии В. Гавела, именующего Россию до и после ноября 2002 г. „громоздкой евроазиатской державой”, несовместимой с Европой – с допущением того, что западная граница первой должна совпасть с восточными рубежами Белоруссии (естественно, после свержения „режима Лукашенко”). См.: „Дипкурьер” 2001, 21 июня. Правда, в пред рождественском интервью Гавел говорил: „Может быть, Чехия останется значимым перекрестком, каким она была в давние века. Перекрестком всех европейских течений. Но, может быть, она окажется на периферии жизни”. См.: „Известия” 2002, 24 декабря. Данные слова можно трактовать как призыв к большей открытости отношений страны с государствами Восточной Европы.

Б. Геремек подчеркивал: „Наша восточная граница – не рубеж Европы. Для нас одинаково важны открытость к нашим восточным соседям и акцентирование их роли в Европе и для Европы”⁶.

Столь же взвешенными и обоснованными выглядят мнения и других министров иностранных дел К. Скубишевского, В. Бартошевского, Д. Росати, А. Олеховского, приведенные в журнале, выпускаемом Польским институтом международных дел на русском языке. И крепнет убеждение, что государственные деятели Польши занимают взвешенную позицию не только из-за осознания того факта, что Польша – крупнейшее государство региона, но также из-за убеждения в том, что на их решениях лежит груз особой ответственности. Историческая память Польши, особенно независимой Польши в XX веке, сдерживает многие неконструктивные внешнеполитические интенции – и как раз поэтому ее лидеры, особенно президент А. Квасьневский, с должной осторожностью высказываются по всем азимутам внешней политики, а также сдержанно оценивают перспективы глобализации. Это – важный ресурс не только польской внешней политики, но и укрепления региональной идентичности в целом.

Немецкий политолог Х. Хан, касаясь данной проблемы, пишет: „Столь часто используемое сегодня понятие «возвращение в Европу» представляется не только амбивалетным, но и опасным, ибо подразумевает, что якобы Восточная Европа какое-то время не относилась к Европе, подтверждая тем самым или предполагая заложенное в менталитете такое «выведение за скобки»; отсюда постулат «возвращения»... Такие рассуждения слишком явно напоминают традиции мышления о мнимых «существенных отличиях» Востока”⁷. Он считает, что «границы могут отделять, но не должны разделять (по-немецки игра слов: „*abgrenzen*» – отделять, «*ausgrenzen*» – разделять), выводить за скобки. Границы подчеркивают различия, но вовсе не

⁶ *Государственное устройство и внешняя политика*, „Европа”, № 1, Варшава 2001, с. 225. Несколько слов о журнале: несмотря на явную устремленность в НАТО и Евросоюз, его редакция считает, что последний — лишь „часть Европы, а поляки хотели бы сотрудничать со всеми своими соседями” (Там же, с. 7). Отсюда и необходимость „поговорить о Европе, причем также на русском языке, наиболее распространенном в странах Восточной Европы, будущих соседей Европейского Союза” (Там же).

⁷ *Самосознание и размежевание. Граница как явление менталитета*, там же, с. 126.

обязательно должны их абсолютизировать, две разделенные группы или территории могут иметь еще много общих элементов»⁸.

Десятилетний опыт формирования новой региональной идентичности в Центральной Европе показал, что чрезмерные акценты на внешнеполитических предпочтениях деформируют внутрорегиональные связи между странами. Так, на сравнительно небольшом геополитическом пространстве региона происходили разнородные процессы: „западные” Польша, Чехия, Венгрия, Словения отчуждались от „восточных” Словакии, Румынии, Болгарии, не говоря уже о трещине между ними и странами – республиками бывшей Югославии. Ситуация в этом плане меняется, но очень медленно.

Следует подчеркнуть, что устремленность в первую очередь стран Вишеградской группы в Европейский союз, особенно интенсивно демонстрируемая после вхождения в НАТО новых государств Центральной Европы и трех стран Балтии (тем самым ставших ее частью), как раз подчеркивает усиление региональной идентичности. Обосновывая этот, по видимости, парадоксальный тезис, надо вспомнить, что ситуация в центральноевропейском регионе все же показывает тенденцию к стабилизации. Ее вектор при этом направлен с благополучного севера (хотя и здесь сохраняются элементы социальной напряженности) на бедный и беспокойный (пока) юг⁹, а позитивные сдвиги в решении „калининградской проблемы” до ее обострения выявляют значимость конструктивного взаимодействия между Центральной и Восточной Европой.

В чем-то похожие процессы происходили в 1960–1970-е годы в Западной Европе: волна стабилизации здесь тоже двигалась с севера на юг. Успокаивались: Франция – после отпадения Алжира; Испания, Португалия и Греция – после падения репрессивных режимов; Италия – от спада волны терроризма (хотя последняя охватывала в 1970-е гг. все страны Западной Европы, а с началом нового тысячелетия приобрела глобальный характер). И, как показывает пример данного, а также ряда других регионов, без подобной стабилизации невозможно продуктивное осуществление целей глобализации –

⁸ Там же, с. 125.

⁹ Подробнее см.: *Проблема региональной идентичности центральноевропейских стран. Круглый стол*, „Славяноведение” 1997, № 3, с. 3–27; Э. Г. Задорожнюк, *Страны Вишеградской группы и НАТО*, в: *НАТО: факты и комментарии*, вып. 1, М. 1997, Июнь, с. 11–13.

через подтягивание стран с различным уровнем экономического развития и разными политическими системами к единому уровню. (Возможность этого может быть продемонстрирована на примере региона Северная Америка, где США строят относительно равноправные отношения не только с похожей Канадой, но и с отстающей Мексикой).

В Центральной Европе импульсы такого единения просматриваются с трудом, поскольку до совсем недавнего времени здесь превалировали дезинтеграционные процессы и стремление решить проблемы экономического развития в одиночку. В качестве примера можно привести бархатный развод Чехии и Словакии (в котором первая сторона – вопреки видимости – виновата не в меньшей степени, чем вторая), который в какой-то мере детерминировался стремлением развитой Чехии быстрее попасть в Европейский союз без отсталой Словакии. Оказалось же, что разведенным странам туда проникнуть труднее. И возникает вопрос: зачем было разводиться?...

В начале нового века ситуация как бы повторяется на уровне региона: богатая Вишеградская группа по видимости обладает большими шансами на вхождение в Европу. Но это уже коллективная иллюзия относительно того, что отграниченность от бедного и беспокойного юга региона поможет его северной части успешнее интегрироваться в Западную Европу уже не только через НАТО, но и через Европейский союз. Можно сказать в данном отношении, что политики Центральной Европы не в должной мере пока усвоили уроки укрепления региональной идентичности, преподанные им политиками Европы Западной, а политики Восточной Европы так и не подошли к осознанию значимости подобного рода уроков.

Оптимальным, на наш взгляд, представляется следующий путь: странам Центральной Европы следует ориентироваться не на вхождение поодиночке или группами в Западную Европу (забывая иногда при этом, что и они сами, и Россия – тоже Европа), а на примыкание к ней, для чего следует укреплять его идентичность. Тогда и задачи, требующие решения в связи с интенсификацией глобализационных процессов, предстанут более адекватными и прозрачными. В конечном счете это более выигрышная стратегия и для всей Европы, а также всего мира¹⁰.

¹⁰ Подробнее см.: Э. Г. Задорожнюк, *Политические процессы в Центральной Европе и становление новой региональной идентичности*, в: *Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности*, под ред. Ю. С. Новопашина,

Границы – экономические, политические, культурные и т.п. – между регионами Европы при этом, конечно же, сохраняются, но не в виде некой залятой черты. Четче обозначается и более отдаленная перспектива создания то ли Соединенных Штатов Европы, то ли задуманного в 1980-е годы общеевропейского дома, то ли общей оси от Ванкувера до Владивостока... Есть основание утверждать, что именно примыкание – конструктивный путь для реализации процессов, охватываемых термином „глобализация”, или по крайней мере способов решения глобальных проблем современности.

Как справедливо отмечает итальянский политолог В. Страда, „внутри новых транснациональных обществ, как и старых национальных, обнаруживаются центробежные тенденции регионального характера, не являющиеся только пережитками прошлого, так как выражают стремление укорениться в локальном контексте, не обязательно в противодействии неудержимому глобализации, но в равновесии с ней”¹¹.

Потенциал региональной идентичности можно трактовать как феномен, смягчающий издержки возрождения национальных и националистических импульсов, с одной стороны, и форсированной глобализации – с другой. Более чем десятилетний и крайне проти-

М. 2000, с. 144–145. В экономической политике стран Центральной Европы со второй половины 1990-х годов обозначилась избирательная пропускная способность экономической границы с Западом. Факты отдельных прорывов (контракт Чехии на поставки газа из Норвегии, форсированные финансовые инвестиции в Венгрии и т.д.) дела не меняют: на уровне современных производств связи не налаживаются. Если раньше казалось, что экономическая интеграция будет осуществляться сразу же вслед за политической (например, после принятия в Совет Европы в 1990 г. Венгрии, в 1991 г. Польши, а в 1993 г. Чехии и Словакии), в связи с чем можно просто забыть о восточной границе региона, то уже к концу 1990-х годов выявилось: Западу нужно от региона в лучшем случае сырье, а не товары равного, а то и высшего качества. Такова логика экономического сотрудничества на региональном уровне и преодолеть ее очень трудно, даже если обе стороны говорят о дружбе и искренне стремятся к ней. Последним обстоятельством определяется актуальность присутствия стран Центральной Европы на восточных рынках и создания условий для внутрирегионального сотрудничества (что в начале нового века полнее осознается правящими партиями в странах региона, причем не только социалистами, но и их оппонентами).

¹¹ *Глобализация и история*, „Новая и новейшая история” 2002, № 6, с. 60.

воречивый опыт формирования региональной идентичности Центральной Европы подтверждает справедливость данной гипотезы.

Что касается России, то она могла бы стать желаемым партнером стран Центральной Европы в случае выработки ею определенных приоритетов политики на центральноевропейском направлении. Одним из таких приоритетов могла бы стать славянская идея в рамках общеевропейской¹². Эта идея вовсе не означает противопоставления остальным идеям. Так, англо-саксонская идея как раз оказывает сдерживающее влияние на интеграционные процессы в Западной Европе, но вызывает определенное уважение; она – дополнительный фактор региональной идентичности, хотя ее носителями являются Англия и – на дистанции – США. Можно говорить о немецкой идее, которая сыграла важную роль в интеграции Германии, не выказывая каких-либо агрессивных устремлений со стороны сопредельных стран. Активизируется романская идея, выступающая наряду со славянской одним из усилителей идентичности Европы в целом¹³.

¹² Т. Г. Масарик в своей работе *Славяне после войны* (Прага, 1923) отмечал, что каждый из славянских народов „именно благодаря своему освобождению получил особую задачу, в которой лишь частично может быть поддержан остальными славянскими народами” (с. 17). Они образуют при этом некую политическую единицу — славянские соединенные штаты, которые могут послужить опорой и европейским соединенным штатов. „Новая Европа будет создаваться понемногу и по частям”, – таков вывод Масарика (с. 23). Он актуален и сегодня. Подробнее см.: E. Zadorozhnyuk, *The Perspectives of a New Europe in the Programs of the Political Parties of Social Democratic Orientation in Central Europe*, in: *Emerging of Democracy in Transition Europe*, ed. by T. Los-Nowak and D. Armstrong, Wroclaw 1997, p. 99–109; Э. Г. Задорожнюк, „Россия и Европа” Т. Г. Масарик: новые подходы к старой идее европейского единения, в: Т. Г. Масарик и Россия, Санкт-Петербург 1997, с. 27–35; Т. Г. Масарик, *К 60-летию со дня смерти первого президента Чехословакии. Круглый стол*, в: *Февраль 1948. Москва и Прага. Взгляд через полвека*, М. 1998, с. 143–146.

¹³ Некоторые уточняющие моменты того, что можно именовать подходом с позиций региональной идентичности и концепта „примыкание”, можно обнаружить в публикациях авторов журнала „Европа” (2002, № 1). Директор Института стратегических оценок и анализа В. Гусейнов отмечает: „Сравнительный анализ общеевропейских, блоковых (НАТО) и национальных документов в части определения ими таких новых (терроризм) угроз миру и стабильности показывает близость их подходов к оценке как в общерегиональном, так и в национальном масштабах” (с. 31). Профессор Католического университета (Ниминген) Э. ван Зверде в статье *Европа – христианская сверхнация в объединяющемся мире?* ставит вопрос об универсальности христианского начала для Европы

Ресурс внутрирегиональной идентичности Центральной Европы, как ни парадоксально, усиливается именно тогда, когда страны региона не делятся на „отличников” и „отстающих” на региональном, так и субрегиональном уровнях. Вследствие этого гомогенизация общеевропейского геополитического пространства дополняется гомогенизацией Центральной Европы.

Правда, на данном пути обнаруживаются немало препятствий. Политолог из Оксфорда Л. Зидентоп, рассматривая их в ракурсе экономических приоритетов и политических предпочтений¹⁴, небезосновательно опасается, что Центральная (автор именуется ее в своей работе Восточной) Европа, импортировав образцы уже изжитого на Западе капитализма, столкнется со своеобразным сочетанием старых и новых бед. Ибо нынешний капитализм не допускает там столь разительного расхождения в уровнях жизни, какой наблюдается – растет! – восточнее. Поэтому Зидентоп пишет: „Развитие нового, обладающего самосознанием низшего класса, а также наследие (коммунистического) угнетения в Восточной Европе несут серьезную угрозу оптимистическому сценарию рассредоточения власти в ходе Европейской интеграции”¹⁵.

На западе континента в рамках Европейского Союза не только осуществлено нивелирование доходов к уровню среднего класса – без отвержения богатых людей, но и осуществляется идея ограничения национального государства – при сохранении приоритетов трансграничного гражданского общества и региональной самобытности. Важно еще одно: ЕС устраняет антироссийские интенции в своей внешней политике¹⁶. Восточная (Центральная) Европа на полшага, а то и шаг отстает в осуществлении этих целей. Важно и то, что в этом плане отстает и Россия. Однако она может обрести большой внешнеполитический вес – и тогда Восточная (Центральная)

в целом – но лишь с учетом его различных вероисповедных истолкований. Ситуация складывается так, что эти различия скорее объединяют, чем разъединяют Европу – особенно в связи с глобальными угрозами, в частности террористическими (с. 130). А Генсек НАТО Дж. Робертсон отметил, что „демократизация и экономическое процветание в Центральной и Восточной Европе – тенденции, содействие и упрочение которых способствует расширению НАТО, – соответствует долгосрочным интересам и России, и Западу” (с. 13).

¹⁴ Л. Зидентоп, *Демократия в Европе. Перевод с английского*, М. 2001, с. 360.

¹⁵ Там же, с. 25.

¹⁶ Там же, с. 216.

Европа снова „зависнет” в качестве второразрядного игрока. „В какой-то момент, – подчеркивает автор, – Германия может поддаться искушению строить отношения с Россией вполне самостоятельно”¹⁷. И тогда любая из стран региона ощутит себя неуютно между первой и второй, если не укрепит свои позиции в рамках некоего региона.

Ученые Стокгольмского Института исследований проблем мира связывают с укреплением региональной идентичности перспективу упрочения безопасности в Европе¹⁸. Они отмечают, что опасность в современной Европе после холодной войны представляют конфликты не столько между государствами, сколько внутри них. Данный парадоксальный вывод значим для всех регионов в Европе: действительно, „война” не за стратегически бесценный Крым, а за Чечню является наиболее ожесточенной в России. Конфликт между Румынией и Венгрией был погашен – чего не скажешь о конфликтах в бывшей Югославии. Создается парадоксальное положение: государства не удерживают своих внутренних структур – и ищут пути их решения вовне.

Другой важный момент: формируется право „cooperative intervention” – совокупного воздействия – на ситуацию внутри стран. 20 новых независимых государств после распада ЧСФР, СФРЮ и СССР обладают неустоявшимся статусом – *failld status*. Они выносят на обсуждение концепцию новых рисков в числе которых: Рост этнорелигиозных конфликтов – в отсутствие демократических регуляторов; Политическая нестабильность – в связи с переходом к многопартийности; Социальная нестабильность – с посттравматическим стрессом от шоковой терапии в сфере экономики; Экологические риски – рост неконтролируемых производств и т.д. Примечательно замечание шведских специалистов, что последствия этих рисков перетекают волнами с востока на запад.

По нашему предположению, лишь кристаллизация региональных структур и упрочение новой региональной идентичности стран Центральной Европы – сначала в политике, затем в экономике – могут сделать регион надежной опорой стабильности в Европе и снизить уровень перечисленных рисков.

¹⁷ Там же, с. 234.

¹⁸ *Europe: Creating security through International Organization*, Stockholm 1996.

Таким образом, ресурс внутрирегиональной идентичности в Центральной Европе уже начинает выявлять свой потенциал. Особенно значим здесь „хороший” пример Западной Европы и неприятие неустойчивости Восточной Европы. Правда, при этом на первый регион возлагались чрезмерно „обременительные” упования, а второй регион характеризовался, так сказать, излишней и даже агрессивной безнадежностью. Но с началом нового столетия ситуация становится более сбалансированной.

На наш взгляд, четкая очерченность позиции регионов Европы может послужить предпосылкой их взаимного примыкания, что решило бы много проблем и соответствовало целям международной политики XXI века. Политике взаимоотношений не столько между странами (включая вариант „сверхдержава – и все остальные”), сколько между регионами. В таком случае и многие глобализационные процессы не носили бы „безадресного” характера. В целом смягчение крайностей относительно „дальних” соседей может произойти вследствие усиления взаимоотношений между „ближними” соседями – странами региона Центральной Европы. Включая ту его бурную южную часть, которая вызывает особую тревогу среди стран не только континента, но и всего мира.

В XXI век Старый континент вступил с огромным грузом проблем, и новым поколениям теоретиков и практиков, прилагающим усилия для создания системы эффективного и безопасного межгосударственного, межнационального, внутри- и межрегионального сотрудничества, работы хватит еще надолго. Важно, чтобы она исходила из доброй воли и четкого учета самых различных факторов, определяющих положительный потенциал данного сотрудничества.

Summary

Internal identity of a region is a factor that promotes political stability. Western Europe is a particular example here. The significance of regions, which is clearly emphasised in Europe, may become a prerequisite for their mutual assimilation. This causes numerous problems but also contributes to increased interdependence between nations and regions. The potential of regional identity may be treated as a factor that reduces the consequences of the revival of national or nationalistic tendencies on the one hand, and those of intensified globalisation on the other. A decade of contradictory experience in the formation of regional identity in Central Europe confirms this hypothesis. The emergence of clear regional structures as well the reinforcement of a new regional

identity of Central European countries in politics and then in economics may diminish the level of various hazards ranging from political ones to environmental.

Streszczenie

Tożsamość wewnątrzregionalna jest czynnikiem sprzyjającym stabilności. Szczególnie znaczący jest tutaj przykład Europy Zachodniej. Wyraźnie zarysowana pozycja regionów w Europie może służyć jako przesłanka do ich wzajemnego upodabniania się, co powoduje wiele problemów, ale zarazem zwiększa współzależność nie tylko między państwami, ale i między regionami. W takim przypadku procesy globalizacji nie muszą mieć charakteru „beadresowgo”. Potencjał regionalnej tożsamości można traktować jako fenomen, który redukuje skutki odrodzenia narodowych i nacjonalistycznych tendencji z jednej strony oraz intensyfikacji globalizacji – z drugiej. Dziesięcioletnie i skrajnie sprzeczne doświadczenia formowania regionalnych tożsamości w Centralnej Europie potwierdzają słuszność tej hipotezy. Krystalizacja regionalnych struktur i umocnienie nowej regionalnej identyczności państw Europy Centralnej – najpierw w polityce, a potem i w ekonomii – może obniżyć poziom różnorodnych niebezpieczeństw, zaczynając od politycznych, a kończąc na ekologicznych.